

Тени Дюн

Дж. Джованни

18+

Дж. Джованни Тени Дюн

<https://litres.ru/74071539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда система заставляет тебя быть чудовищем, единственный способ победить — это стать чем-то большим. Но хватит ли на это сил?

Алера — дитя Клана, приговорённое к смерти за бунт. Рувим — палач на службе у тирана, созданный для исполнения приговоров.

Их запретная связь может спасти Шахри от Тьмы... или окончательно её уничтожить.

Они ещё не знают, что стали пешками в тысячелетней темпоральной войне. И их будущий ребёнок станет главным оружием в битве за мир, где не существует даже границ времени.

Содержание

Глава 1 "Падший ангел"	4
Глава 2 "Паучье логово"	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дж. Джованни

Тени Дюн

Глава 1 "Падший ангел"

*Солнечная система, планета Земля, Национальный парк Сьерра-де-Гуадаррама, Мадрид, Кастилия-и-Леон.
февраль, 2027 г.*

Первое, что он вспомнил, когда сознание вернулось к нему — это его падение. Словно провинившегося ангела, его швырнули в Великую Бездну, лишив крыльев, лишив небес. Сначала была вспышка: яркая, слепящая, всеобъемлющая. Затем он почувствовал, как его затягивает в узкий, светящийся тоннель. Это был не просто тоннель, а вихрь густой, чистой энергии, состоящей из света и звука. Рувим бесконечно долго летел сквозь него, не чувствуя ни тела, ни времени, ни пространства. Лишь обрывки воспоминаний мелькали перед ним, словно кто-то решил перемотать видеопленку всей его жизни. Он видел своё рождение, лицо матери — молодой женщины с раскосыми тёмно-карими глазами и длинными волосами цвета вороного крыла, чувствовал тепло её рук. Видел дорогие его сердцу фиолетовые закаты планеты Шахри, песчаные дюны, дома и караван-сарай, выстроенные из солнечного камня — гелиотита. На солнце здания

сияли, словно внутри них горел костёр. Видел людей с золотисто-ореховой кожей, в синих тюрбанах, в развевающихся на горячем ветру шелковых накидках; видел ночные костры в лагере торговцев пряностями, где витали дурманящие ароматы специй и трав. Здесь он ребёнком бегал босиком по раскалённому песку, наблюдая, как пыль смерчем вздымается от посадочных двигателей торговых кораблей, прибывающих с далёких, экзотических планет. На одном из них он однажды покинул Шагри...

Видел он и себя, испуганного и растерянного мальчика лет восьми, когда его впервые ввели за руку в Храм Просветления. Видел мудрые лица Старейшин, слышал их голоса, эхом раздающиеся в высоких колоннадах башен. Видел просторные залы библиотек с огромными купольными потолками и мраморными галереями, бесконечную череду стеллажей, которые, изгибаясь, волнами шли от пола к потолку. Здесь хранились древние рукописи и книги, корешки и страницы которых уже коснулся тлен. Он видел себя, юного помощника архивариуса, старательно выводящего руны в пыльных манускриптах или часами левитирующего в звенящей тишине часовни; себя, молодого воина в чёрном кителе, методично тренирующегося с эксиларом на плацу, залитом утренним солнцем. Его боевой посох с молниеносной скоростью трансформировался в плазменный меч и обратно, разбрасывая искры. Каждое движение, каждое слово, каждая мысль были подчинены регламентам и ритуалам. Из

него ковали Воина, Жреца, Хранителя.

Посвящение... этот момент всплыл особенно ярко, словно кто-то специально подсветил значимый кадр его жизни. Вот он стоит на коленях перед Алтарём, освещённым сиянием факелов. Массивные каменные своды, украшенные резьбой, уносятся ввысь, теряясь в полумраке. Фигуры Старейшин и братьев Ордена в глубоких капюшонах нависают над ним, подобно древним теням. Посох Мудрейшего лежит на его обнажённом плече, символизируя бремя ответственности, которое он берет на себя. Тёплая волна силы разливается от прикосновения священного оружия, словно тысячи молний пробегают по коже. Слова клятвы он произносит громко и чётко, вкладывая в каждое слово всю свою душу, всю свою веру. «Да будет свет моего сердца ярче тьмы... Да будет воля моя подчинена высшему предназначению, а не личным желаниям...» Клятва верности Ордену и защиты Пределов. Клятва, которая должна была определить его дальнейшую жизнь. Он вспомнил боль, когда ему выжигали Печать Ордена на груди, встраивая силу Странника в молекулы его ДНК, — он принял её с готовностью и смирением, позволяя Печати разлиться по всему его существу, ощущая, как клетки перестраиваются, меняя свою структуру, впитывая в себя частицу древней энергии.

Наконец, его первая миссия, и первый решающий выбор... Выбор, который заставил его нарушить Клятву и вмешаться в предначертанный ход событий. Он видел перед со-

бой размытый образ того дня, когда его сила, данная Орде-
ном, была использована не по назначению; когда он, преступив
через волю Высших Сил, спас того, кого судьба обрекла на
гибель, и теперь понимал: цена такого вмешательства —
разрыв тонких временных нитей мироздания. Словно трещина
в камне, раскололась в тот миг не только его судьба, но
судьбы всех участников роковой встречи. Рувим понимал:
ему даровали шанс исправить содеянное. Его путь только
начинался, и в этом новом путешествии он должен исцелить
раны, нанесённые его вмешательством, и вернуть гармонию
в судьбы всех, кого затронуло его решение. Задача
предстояла не просто сложная, а почти невыполнимая. При-
дётся столкнуться с последствиями своих действий лицом к
лицу и найти способ вернуть все на свои места.

*«Открой сердце для принятия высшей мудрости, мой
мальчик, — прозвучали сквозь пелену Бездны слова старца
Свана, — Только соединив силу духа со смирением души, ты
сможешь найти путь к искуплению...»*

Рувим летел и видел чужие жизни, миры, которые ко-
гда-то существовали, и которым еще только предстояло ро-
диться. Он видел любовь и ненависть, надежду и отчаяние,
рождение и смерть, — мириады судеб, сплетённые в беско-
нечную паутину Бытия.

Он не боролся с потоком, а просто позволял ему нести се-
бя, доверяя неведомой силе, которая вела его к концу тонне-
ля, пока наконец не наступила тьма.

Спиной он ощутил опору. Падение закончилось.

Рувим открыл глаза. Ночное небо простиралось над ним чёрным бархатным куполом, усыпанным мириадами звёзд. Они мерцали ясно и холодно, словно живые, наблюдая за ним из вечной темноты. Сквозь звёздную ткань, словно разлитое по небу молоко, тянулась мутная полоса Млечного пути, напоминая, как далеко он от дома.

«Твой истинный дом внутри тебя, малыш», — сказал ему в напутствие старец Сван, прежде чем Хранительница Времени бросила юного Странника в Бездну. — Где бы ты ни оказался, твой Дом всегда с тобой. Всегда был и всегда будет». Рувим сделал глубокий вдох, пытаясь собрать воедино разрозненные обрывки сознания, и закашлялся, чувствуя, как лёгкие обжигает морозный воздух. Дыхание облаком пара растворилось в темноте. Голова раскалывалась.

Он осторожно вытянул вперед руку — сначала одну, потом вторую. Сжал и разжал дрожащие пальцы в кулак. Тепло неуверенно отзывалось. Резкая тошнота вдруг подкатила к горлу, он успел перевернуться на бок, прежде чем его вырвало. Стало легче. По телу разлилась тёплая пульсирующая боль, мышцы потихоньку оживали. Привычным жестом он нащупал Печать на своей груди, с облегчением чувствуя кончиками пальцев грубые края клейма. Его телепортация на Землю прошла успешно.

Аккуратно приподнявшись на локтях, Рувим смог наконец оглядеться. Он лежал абсолютно голый, как новорож-

денный, у самой кромки заледеневшего озера, на припорошенном снегом каменистом берегу. Гладь озера мерцала, словно зеркало, в слабом свете растущей луны, спокойно и безмятежно. Воздух над ним искрился алмазной пылью. Где-то вдали треснул лёд, звук раскатился по округе, как выстрел. Под руками ощущалась мелкая галька и хвойные иголки. Их терпкий, смолистый запах слегка щекотал ноздри. Позади на него дышал холодом и зловещей темнотой густой хвойный лес. Заснеженные ели, словно безмолвные стражи, возвышались над ним, их тонкие верхушки слегка покачивались на фоне звёзд. Он слышал тихий шелест их пушистых веток, будто деревья перешептывались между собой. Лес шёл вдоль берега неровным полукругом, обрамляя водную гладь с трёх сторон, растворяясь в ночи тёмными мохнатыми силуэтами. На противоположном берегу лес расступался, уступая место каменистой пустоши и открывая вид на величественный горный хребет. Ночь окутала горы чёрным покрывалом, но не скрыла их мощи. Наоборот, подчеркнула царственное безмолвие вершин на фоне звёздного неба. Тонкий серп луны едва касался серебристым светом скалистых склонов, создавая призрачную игру теней. Где-то там, далеко в горах, слышалось завывание ветра. Земля была дикой, опасной, но прекрасной планетой, и Рувим на секунду залюбовался видом вокруг, хотя зубы начинали стучать от холода, а кожа покрывалась инеем. Надо было идти, найти укрытие, чтобы согреться и составить план действий. Он может заставить те-

ло сопротивляться холоду, но не слишком долго.

Рувим попытался встать, но ноги предательски подкосились. Мышцы, привыкшие к гравитации в два раза меньшей, чем здесь, оказались не готовы к тяжести земного притяжения. На адаптацию к новым условиям требовалось время.

Обдирая локти о камни, он подполз к ближайшему дереву. С нескольких попыток, цепляясь за обледеневший ствол, ему удалось наконец подняться. Он дал себе минуту, чтобы передохнуть.

Хрупкую безмятежность внезапно нарушил низкий, утробный рык. Рувим замер, чувствуя, как цепенящий страх разливается по венам. Между заснеженными елями мелькнула тень. Одна, вторая, третья... Волки. Телепортация вызывает колебания Пространства, и животные, как правило, первыми чувят это. Появление волков здесь — лишь закономерное следствие его вторжения сюда.

В лунном свете появился он: огромный чёрный самец с пронзительными жёлтыми глазами, в которых угадывался почти человеческий разум. Вожак стаи. Он мягко выплыл из темноты, словно фантом, сотканный из теней и снега, и замер в нескольких шагах от Рувима, на расстоянии одного прыжка. Зверь стоял не двигаясь, слегка пригнув голову, глядя немигающим взглядом, словно оценивая, стоит ли тратить силы на эту странную добычу. Агрессии не было, лишь холодное, изучающее внимание. И в этом молчаливом диалоге, в этой сосредоточенной тишине, Рувим вдруг осо-

знал, что его судьба сейчас — в лапах этого хищника. Шансов у него не было. Один, против стаи — это верная смерть. Он еще слишком слаб. Волки наблюдали за ним, бесшумно скользя по снегу среди ветвей. Рувим чувствовал их голодные взгляды. При других обстоятельствах он, конечно, обратился бы в волка или медведя, чтобы говорить с животными на их языке. Но сейчас у него не было на это ни сил, ни времени.

Медленно, очень медленно Рувим опустил обратно на землю, скользя спиной по шершавому стволу дерева. Надо было дать понять вожаку: он не враг и не добыча. И если волк — посланник Пространства, можно попробовать воззвать к Силам Природы, используя зверя в качестве проводника. «Страх — это не враг. Это заблокированная энергия, которая ждёт освобождения» -вспомнились ем слова Старейшин на уроках управления стихиями.

Волк, видя его движение, предупреждающе зарычал, шуря морду и обнажая передние клыки. Они блеснули в темноте. Рувим глубоко вдохнул хвойный морозный воздух и осторожно положил дрожащую ладонь на землю, стараясь почувствовать вибрацию леса, гор, их древнюю, могущественную силу.

«— Вы — творцы своей реальности. Вы не подчиняетесь судьбе — вы её создаёте. Ибо судьба есть лишь зеркало, отражающее вашу волю, — Старейшина Вайугура помолчал, ожидая, пока озвученная им только что истина прорастет

в душах учеников. Он возвышался над ними, словно древнее дерево, чьи могучие корни уходят в глубины веков. Несмотря на то, что возраст Старейшины насчитывал более 800 лет, в его движениях угадывалась мышечная мощь и боевая грация, на смуглой коже виднелись шрамы — следы бывлых сражений. Он внимательно всматривался в лица юных архатов пронзительным, всепонимающим взглядом. Ветер развевал его белое сари, словно крылья. Серебристо-седые волосы, местами прихваченные в тонкие косы, падали на плечи живым водопадом. Архаты расположились перед ним полукругом, скрестив ноги и сложив пальцы рук в древнем знаке принятия мудрости — ладонями вверх. Энергия, которую они старались уловить, была почти осязаемой. Каждый из них чувствовал, как невидимые потоки силы текут через их тела.

Урок проходил на высоком каменном плато, где воздух был настолько прохладен и чист, что казалось, его можно пить глотками. Ветер свободно гулял между скалами, принося далекие отголоски горного эха и тихий гул каменных вершин. Облака парили так низко, что, протянув руку, можно было почти коснуться их мягкой, словно пуховая перина, поверхности. Они проплывали в нескольких метрах над головой, создавая иллюзию, будто находишься в невесомости, где земля и небо поменялись местами. Казалось, законы гравитации здесь не действуют — то ли ты паришь в воздухе, то ли весь мир перевернулся вверх тормашками.

— Мир вокруг вас — живой организм, — продолжал Вайгура, поглаживая аккуратно подстриженную и скрученную в жгуты седую бороду, — слушайте его, говорите с ним, как воин разговаривает со своим мечом. Каждое дерево, каждый камень, каждая капля воды обладает душой. Научитесь видеть эту жизнь и уважать ее. В шуме ветра, в плеске волн, в шелесте листьев — везде слышится древняя мудрость. Каждая стихия подчиняется тому, кто научился слышать ее голос. Откройте свое сердце, чтобы услышать... А теперь — создайте.

Старейшина плавно взмахнул рукой, и в воздухе закружились светящиеся точки из чистой энергии. Они складывались в изящные формы, превращаясь в маленьких птиц и светлячков. Те порхали и кружили вокруг учеников, касаясь их щек и ладоней мягкими крыльями.

— Видите? Природа послушна тем, кто умеет с ней говорить. Попробуйте сами. Позвольте своей душе стать частью этого творения.

Юные архаты один за другим начали пробовать. У кого-то получались лишь слабые искорки, у других — всполохи света. Но каждый успех Старейшина встречал одобрительным кивком.

— У меня не получается, — расстроено сказал маленький Рувим. — Я стараюсь заставить энергию принять форму, но ничего не выходит.

— Не пытайся доминировать над миром, мальчик, —

сказал Старейшина, — Стань с ним единым целым, и тогда сила сама придет к тебе. Помни: ты не отделен от мира, ты и есть Мир. Душа Пространства — твоя собственная душа.

Через минуту, когда Рувим открыл глаза, перед ним уже порхала огромная бабочка с перламутрово-голубыми крыльями, словно сотканными из лунного света, рассыпая вокруг светящиеся искры энергии. На миг ему показалось, что она улыбается ему теплыми карими глазами его матери...

Глаза волка горели желтым огнем, как угли в костре. Рувим поймал взгляд хищника и замер. «Эт — Менс — Туа — Эст, Аклин — Шенин — Аклин, — тихо чеканил он заклинание на древних языках этого мира, медленно проникая в разум волка. — Мой разум — твой разум; твой разум — мой разум. Тристис — эст — анима — миа. В потоке мыслей мы едины, в потоке чувств неразделимы. Аль-рази-аль-кабир. Михи креде!»

«Отбрось надежду, мальчик. Ты должен знать, именно четко знать, что именно так и будет. Надежда — это такое же сомнение. А сомневаться — значит ничего не получить...»

Глаза Рувима подернулись мутной пеленой. Мир вокруг поплыл, границы реальности размылись. Рувим почувствовал себя внутри другого существа. Здесь оказалась не только животная ярость, но и мудрость, сила и какая-то необъяснимая печаль. Холод, голод, отчаяние, вкус крови, азарт погони —

все это захлестнуло его, чужое, волчье. Он прикоснулся к чужой душе и теперь видел мир глазами зверя — сквозь призму вечного поиска добычи, постоянной борьбы за выживание. Заснеженный лес вдруг превратился в огромное охотничье владение, напитанное запахами. Свежий след косули, затерявшейся в кустах, вызывал нестерпимое желание охоты. Но еще сильнее была тоска — тоска по волчьему логову, спрятанному в каменистой расщелине, по теплым бокам оценившейся волчицы, по протяжному вою, наполняющему ночную тишину.

Внезапно все исчезло. Снова холод, лес, волк напротив. Но теперь тот видел в нем не врага, а собрата по несчастью, загнанного в угол жизнью. «Прошу тебя, волк. Я — твой друг. Я заблудился в твоих владениях. Если ты посланник, укажи мне дорогу. Я верю, что ты знаешь путь», — Рувим исторг эту просьбу из самой глубины своего существа, поэтому получилось что-то вроде молитвы, и стоило ей обрести форму в его сознании, как он почувствовал, что она будет услышана. Вожак моргнул, подавив рык — тот вышел тихим, усталым. В его глазах мелькнуло нечто почти человеческое. Затем он коротко заскулил, слегка растягивая звуки в примиряющей мелодии. Тени вокруг зашевелились и стали удаляться прочь. Волки уходили.

Вожак сделал несколько легких шагов в темноту, вдоль берега, вдаль от Рувима, затем остановился и оглянулся, словно приглашая идти за собой.

Карабкаясь руками за дерево, Рувим поднялся, на этот раз уже быстрее. И, словно ребенок, который учится ходить, ступая босыми неокрепшими ногами по заснеженной земле, слегка пошатываясь, поспешил вслед за волком.

Пространство откликнулось на его зов. Его вели.

Глава 2 "Паучье логово"

Туманность Андромеды, звездная система Аль-Сафир, колония Великой Империи 14-Б, планета Шахри, город Магришах, 2897 г.

Говорят, когда-то планета Шахри утонула в бескрайних морях, но время неумолимо унесло с собой все - даже древнюю цивилизацию, от которой остались лишь призрачные следы. То там, то здесь среди раскалённых дюн виднелись полуразрушенные арки, остатки гигантских колоннад, руины храмов, обсерваторий и фрагменты изящных каменных мостов — молчаливых свидетелей ушедшей эпохи. А между ними простирались мертвые реки зыбучих песков, уснувшие вулканы с залежами черного обсидианита, бесконечные лабиринты Камнеморья и величественная цепь горных хребтов, которые, согласно легендам, когда-то были могучими драконами — древними ящерами, чьи тела с течением времени окаменели, превратившись в известняковые исполины, навеки застывшие в последних позах.

И всё же жизнь не покинула эту планету окончательно. В бархатной тьме пустыни, на сотни километров окруженный песками и барханами, словно мираж, сотканный из звездной пыли, раскинулся Магришах. Это был единственный мегаполис Шахри, ее сердце и душа, оазис цивилизации, где сливались воедино культура кочевников, древняя мудрость

оседлых народов и технологии Имперских колонизаторов. Вокруг него, подобно кругам на воде, расходились длинные пути караванов, ведущие к деревням бедуинов, мелким торговым городкам и приисковым комплексам.

По ночам две луны - исполинский Захир и маленькая Ли́ла — заливали город прозрачным фиолетовым светом, создавая загадочную, почти мифическую атмосферу. Узкие извилистые улочки, вымощенные полированным камнем, петляли между домами-пирамидами, спиральными башнями и многоуровневыми караван-сараями; ныряли в резные арочные проемы, огибали выступающие эркеры, сбегали по каскадным террасам и терялись в череде повторяющихся пештаков, будто город нарочно множил один и тот же торжественный вход, запутывая направление.

Гелиотит, из которого были выстроены здания, превращал фасады в световые маяки. Плавные формы, отлитые из солнечного воска, накапливали дневную энергию, а ночью постепенно отдавали её, играя в свете фиолетовых лун переливами от светло-голубого до глубокого пурпурного. С наступлением темноты все архитектурные причуды города словно оживали: сквозь прорези машрабий проступал мягкий свет, ажурные карнизы отбрасывали зубчатые тени, а на фресках вспыхивали тонкие прожилки гелиотита, словно по стенам бежали тихие разряды.

Настолько тихо было в этот миг, что в абсолютной ночной тиши можно было расслышать, как таинственно поют пес-

ки, и как размеренно, в едином ритме, гудят энергетические потоки, питающие городские системы. И в этом торжественном покое появление воздушного судна казалось почти святотатством.

Небольшой разведывательный шаттл отделился от имперского крейсера, зависшего на орбите Шахри словно гигантский спрут, и бесшумной тенью скользнул к поверхности планеты. Его силуэт на мгновение затмил звёзды, когда он завис над небольшой посадочной площадкой на самой окраине Магришаха.

Миникосмодром, куда имперский шаттл настроил навигационные огни, предназначался для особо важных гостей. Защитный купол делал его практически невидимым, укрывая от радаров и посторонних глаз. Лишь слабое мерцание энергетического поля выдавало присутствие секретного объекта. Дождавшись условного сигнала, шаттл начал снижение по расчётной траектории, и автоматическая система космодрома сразу активировала протоколы посадки. Бесшумно раздвинулись сегменты защитного купола, из песка выдвинулись навигационные маяки, задавая кораблю точную ориентацию.

Когда датчики давления зафиксировали касание, купол закрылся. По периметру площадки мягко вспыхнули индикаторные полосы, сигнализируя о переходе в режим стоянки. Шаттл плавно сложил дельтовидные крылья вдоль корпуса, издав тихий механический щелчок. Центральный стабили-

затор выдвинулся вперёд, принимая на себя функцию амортизатора, а боковые плоскости с фотохромной имперской символикой плотно прижались к фюзеляжу, придавая шаттлу компактный, клиновидный силуэт. Вся процедура заняла менее 40 секунд, без единого человека в зоне посадки.

В борту корабля бесшумно открылся спиральный шлюз, и из его проёма хлынул поток яркого света. Четверо имперских солдат в энергобронированных костюмах синхронно покинули корабль по выдвинувшемуся телескопическому трапу. Их плазменные штурмовые автоматы тускло поблескивали в темноте. Тактические нейрошлемы скрывали лица бойцов, а движения были отточены годами тренировок. Солдаты образовали защитный периметр, занимая позиции вокруг посадочной площадки. Встроенные в шлемы сенсоры непрерывно анализировали окружающую обстановку, создавая вокруг невидимую сеть наблюдения. Командир отряда, не отрывая взгляда от темноты, подал знак. Только после этого в проеме шлюза показалась фигура высокого человека в парадном мундире имперского инквизитора.

Кайран Валантис ступил на трап с неторопливой грацией, сверкая золотыми эполетами и лакированными гербовыми пуговицами. Черный мундир был туго перетянут в почти юношеской осиной талии, а сапоги начищены до умопомрачительного блеска. По борту, воротнику и обшлагам мундира тянулись крученые алмазные шнуры — знаки дипломатического отличия. Роскошная черная мантия величествен-

но струилась за его спиной, создавая впечатление, будто он окутан тенью самой ночи. Лицо лорда Валантиса выдавало человека, способного читать чужие души: цепкий, пронизательный взгляд, выработанный годами политических интриг, и неподвижность черт, выдающая привычку скрывать собственные мысли, пока чужие раскладываются перед ним, как карты на столе. Воспалённые от бессонных ночей глаза смотрели остро, почти агрессивно — усталость не ослабила его, а обострила восприятие. Шрам, пересекающий правую щеку от виска до подбородка, и глубокие морщины вокруг рта намекали на боевой опыт. Выразительные, четко очерченные скулы с легкой небритостью и благородная седина лишь подчеркивали властный образ человека, чей жизненный опыт закалился в горниле дворцовых интриг и военных переворотов, оставивших в душе шрамы не менее глубокие, чем на лице. В нем угадывалась хищная настороженность охотника, который за доли секунды мог просчитать любой замысел и увидеть скрытые мотивы, пронзая маски и добираясь до самой сути.

Спустившись по отполированным ступеням, он остановился у подножия трапа. Командир отряда почтительно склонил голову: «Путь чист, господин».

Кайран кивнул — его мысли были заняты деталями предстоящей встречи, словно шахматная партия разворачивалась перед внутренним взором.

— Останьтесь здесь — негромко произнес он. В его голо-

се звучала такая непреклонность, что ни у кого не возникло желания возражать. Не давая времени на размышления, он небрежно поправил мантию и уверенно двинулся вперед по посадочной площадке горделивой, чуть пружинистой походкой военного командира. Неподалеку он заметил стоянку гравиплатов — круглых одноместных платформ с местом в центре для пилота. Транспорт позволил бы быстро долететь до центра, но Кайран пренебрег такой возможностью. Протокол требовал, чтобы представитель Империи вошел в город пешком, демонстрируя уважение к традициям Магришаха.

Пустынные коридоры ночных улиц словно вымерли. Лишь мягкие звуки его шагов нарушали безмолвие, множась гулким эхом в светящемся лабиринте города. Редкие светодиодные фонари, парящие в воздухе, рисовали длинные тени на мостовой. Пустынный ветер, еще хранящий жар дневного солнца, играл с его плащом, развевая его словно знамя. Кайрана не смущала гнетущая тишина. Он знал: за несколько минут до того, как палящие лучи солнца скроются за горизонтом и Магришах окутает фиолетовый мрак, в городе объявлялось Время Безмолвия. Большие Песчаные Часы на центральной площади меняли цвет песка с золотого на черный, на Сторожевых башнях загорались сигнальные огни, а стражники в красных плащах обходили город, выкрикивая предупреждение местным жителям вернуться в свои дома и не покидать их до рассвета. Ночью улицы принадлежали

шпионам и убийцам из местного Клана Тени Дюн, и нарушители этого закона подвергались суровому наказанию. Улицы патрулировались стражниками Теневого Дозора, их призрачные силуэты то и дело мелькали в безлюдных переулках, словно части единого механизма смерти, охраняющего покой Магришаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.